

Верина Г. В.,

д.ю.н., профессор

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. В настоящей статье представлена авторская позиция об особенностях проявления интеллектуальной, волевой и эмоциональной сфер лица при совершении преступлений против собственности.

Ключевые слова: преступления против собственности, психическая деятельность человека в момент совершения преступления, вина, мотив, цель, эмоции.

Постановка проблемы. Выяснение признаков преступления, составляющих его психологическое содержание, имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку они во многом определяют квалификацию преступления, влияют на дифференциацию уголовной ответственности и индивидуализацию уголовного наказания. Однако в уголовно-правовой теории по данному вопросу высказываются различные мнения, что не способствует единообразной правоприменительной практики. Поскольку дискуссия на обозначенную тему продолжается, автор данной статьи не пожелал оставаться в стороне.

Анализ психологического содержания преступлений против собственности будет осуществлен с учетом положений Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Изложение основного материала. Один из постулатов современной российской уголовно-правовой доктрины представлен тем, что субъективная сторона преступления — это внутренняя сторона преступления, его психологическое содержание. Признаки субъективной стороны являют собой отображение на интеллектуально-волевом и эмоциональном уровнях объективных свойств совершаемого преступления. Как справедливо отмечают С.В. Векленко и М.В. Бавсун, процесс жизнедеятельности человека необходимо рассматривать через призму единства его внутреннего

мира и совокупности внешних форм, причем каждый человек имеет свой уровень субъективного восприятия объективной действительности [1, 7].

С точки зрения конкретного, существующего в реальной жизни акта преступного поведения, субъективная сторона преступления — это психическая деятельность лица. Она раскрывает внутреннее состояние преступника в момент совершения преступления, показывает специфику работы интеллекта, воли и эмоций как трех основных составляющих психики человека.

Содержание субъективной стороны преступления всегда конкретно и изначально определяется объективными обстоятельствами. С другой стороны, именно субъективная сторона преступления показывает зависимость общественно опасного деяния (объективного признака преступления) от сознания и воли субъекта. Она определяет побудительные начала и целенаправленность поведенческого акта, его эмоциональную окраску.

Сущность и содержание субъективной стороны преступления раскрывают ее признаки. С точки зрения канонов современной уголовно-правовой теории они представлены *виной, мотивом и целью* преступления, а также *эмоциональным состоянием* (эмоциями) преступника в момент совершения преступления. Все названные признаки тесно взаимосвязаны, но вместе с тем их функциональное назначение различно, и это обуславливает их относительную самостоятельность. Вина, являясь обязательным (основным) признаком субъективной стороны преступления, составляет ее сущность. Группа факультативных (дополнительных) признаков представлена мотивом, целью и эмоциями.

Вышеизложенные общетеоретические подходы с учетом авторской интерпретации взяты за основу в последующем анализе

психологического содержания преступлений против собственности.

Субъективная сторона всех составов преступлений против собственности (за исключением предусмотренного ст. 168 УК РФ) характеризуется *умышленной формой вины*. Большинство из этих преступлений можно совершить только с *прямым умыслом*, среди них: хищение в различных формах, вымогательство, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и др. Содержанием прямого умысла, например, при краже (ст. 158 УК РФ) охватывается осознание общественно опасного характера безвозмездного, тайного изъятия чужого имущества и обращения его в свою пользу или пользу других лиц, предвидение реальной возможности или неизбежности причинения в результате этого имущественного ущерба собственнику (иному законному владельцу имущества) и желание наступления данного последствия.

В теории уголовного права высказано мнение об исключении из определения умысла одной из категорий — либо предвидения, либо осознания [2, 93, 17], с чем не могу согласиться, ибо реализация подобного предложения на законодательном уровне обеднит характеристику умысла, не позволит в полной мере раскрыть работу интеллекта лица в момент совершения преступления.

На страницах журнала «Российская юстиция» опубликовано суждение о том, что введение в понятие умысла философских категорий возможности и неизбежности предвидения преступных последствий весьма спорно [3, 49]. В принципе, любое положение можно оспорить, однако при этом взамен оспариваемых категорий нужно предложить новые, но других, наиболее приемлемых терминов для характеристики интеллектуального компонента прямого умысла, в частности, я не вижу. Думаю, законодатель, наоборот, мудро поступил, введя в уголовный закон категории возможности и неизбежности, поскольку это способствует проведению более четкой грани между прямым и косвенным умыслом.

Особенностью субъективных признаков квалифицированных составов «хищение предметов, имеющих особую ценность» (п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ), и «умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, повлекшее

по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия» (ч. 2 ст. 167 УК РФ), является двойная форма вины, которая по-разному оценивается российскими правооведами. Так, например, В. Лукьянов предложил исключить ст. 27 о преступлениях с двумя формами вины из УК РФ, так как считает, что она не решает проблемы, а служит лишь наукообразным прикрытием ее неразрешенности [4, 59]. Напротив, И.И. Бикеев и Э.Ю. Латыпова убеждены в необходимости сохранения конструкции преступления с двумя формами вины, что заслуживает поддержки [5, 47]. Кроме того, важно подчеркнуть, что регламентация уголовной ответственности за преступления, совершенные с двумя формами вины, в самостоятельной ст. 27 УК РФ — большое достижение, прежде всего, российской уголовно-правовой науки и шаг вперед российского законодателя в развитии института вины.

С позиции двойной формы вины в рамках состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ, хищение предметов, имеющих особую ценность, совершается с прямым умыслом, к последствиям в виде уничтожения, порчи и разрушения похищенных предметов лицо относится неосторожно, при этом неосторожная форма вины может проявиться как в легкомыслии, так и в небрежности. Между тем, важно констатировать, в законе отсутствует указание на неосторожную форму вины в отношении преступного результата. Такого рода пробельность порождает ошибочные суждения о возможности косвенного умысла в отношении уничтожения, разрушения либо порчи культурных ценностей, посему данный пробел необходимо восполнить путем включения в диспозицию ч. 2 ст. 164 УК РФ неосторожной формы вины в отношении отмеченных выше последствий.

Субъективная сторона преступления «причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» (ст. 165 УК РФ) характеризуется прямым умыслом, корыстным мотивом и целью извлечения незаконной имущественной выгоды, т.е. цель тоже корыстная. Прямой умысел выражается в том, что виновное лицо осознает общественно опасный характер совершаемого деяния, то, что сообщает собственнику или законному владельцу имущества ложные сведения или

умалчивает о действительных фактах либо использует их доверие вопреки интересам данных лиц, предвидит, что таким путем будет причинен имущественный ущерб, и желает его причинить.

В уголовном законодательстве установлена дифференцированная ответственность за уничтожение и повреждение имущества с учетом формы вины. Статья 167 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества, ст. 168 — за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности. Вина в составе уничтожения или повреждения имущества, предусмотренного ст. 167 УК РФ, — умышленная (умысел может быть как прямым, так и косвенным); предусмотренного ст. 168 УК РФ — неосторожная, в виде легкомыслия или небрежности. Умышленная форма вины выражается в том, что лицо осознает общественно опасный характер уничтожения (повреждения) чужого имущества, предвидит реальную возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде причинения значительного ущерба собственнику или иному законному владельцу имущества и желает их наступления либо не желает, но сознательно допускает или относится к ним безразлично.

Характерным для уничтожения (повреждения), например, дачного имущества, имущества, находящегося в гаражах, подвалах, погребах, сараях, является неконкретизированный умысел в отношении размера возможного ущерба. Предвидение размера носит вероятностный характер, и в конечном итоге он, как правило, зависит от фактически наступивших последствий.

Понятие неконкретизированного умысла не знает уголовное законодательство, оно разработано теорией уголовного права, поэтому данная разновидность умысла есть не что иное, как специфическое проявление прямого и косвенного видов умысла. Отношение теоретиков к неконкретизированному (неопределенному) умыслу неоднозначно. Среди ученых были и есть как сторонники названного вида умысла, так и отрицающие необходимость его теоретического существования и обоснования, а также практическую значимость [6, 157, 204, 99, 97–105]. В отечественной уголовно-правовой доктрине

современного периода неопределенный умысел трактуется как психическое отношение лица к общественно опасным последствиям своего деяния, при котором виновный предвидел возможность наступления различных общественно опасных последствий своего деяния и в равной степени желал либо не желал, но сознательно допускал наступление любого из них или относился к ним безразлично. При этом величина причиненного ущерба не конкретизируется, причиняющие свойства деяния и его последствия охватываются предвидением виновного лишь в общей форме [7, 317, 381, 343-344]. В теории и практике устоялось также мнение, согласно которому при неопределенном умысле содеянное должно всегда квалифицироваться по фактически наступившим последствиям.

Неосторожная форма вины характерна для составов преступлений, предусмотренных ст. 168 УК РФ. Если лицо, совершая деяние, предвидело возможность наступления общественно опасного последствия в виде причинения имущественного ущерба в крупном размере, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на его предотвращение, оно действовало по легкомыслию (ч. 2 ст. 26 УК РФ). Если же оно не предвидело возможности наступления такого последствия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло его предвидеть, преступление признается совершенным по небрежности (ч. 3 ст. 26 УК РФ).

Цель не свойственна неосторожным преступлениям, мотивом может быть недостаточная внимательность и сосредоточенность, излишняя самоуверенность, нерадивость и т.д.

По распространенной в научной литературе точке зрения субъективная сторона хищений характеризуется не только *прямым умыслом*, но и *корыстными мотивом и целью*. В отличие от корыстного мотива корыстная цель отражена в законодательном определении хищения (п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ).

Под корыстным мотивом нередко понимается внутреннее осознанное побуждение паразитического характера, вызвавшее решимость удовлетворить материальные потребности противоправным способом, путем завладения чужим имуществом. Но есть и несколько другие, более приемлемые определения.

«Корысть как мотив совершения преступления, — отмечает Б.С. Волков, — означает, что в основе побудительных причин общественно опасного деяния лежит стремление получить какую-либо материальную выгоду, пользу» [8, 45]. Сходную позицию занимает В.В. Лунеев. Он считает, что корысть — это стремление получить материальную выгоду преступным путем [9, 305].

Однако не все теоретики признают корысть неотъемлемым признаком хищения. Например, П.С. Яни не соглашается с этим определением и считает, что хищение — это действия, совершенные не только с корыстной целью, но и из какой-либо личной заинтересованности, в том числе по корыстным мотивам [10, 79].

Ю.М. Антонян не отрицает корыстный мотив хищений, но считает, что он не всегда является «самостоятельным». Самостоятельности автор противопоставляет призвание корыстного мотива обеспечивать потребности в определенном образе, стиле и уровне жизни и, тем самым, более глубокие и обычно неосознаваемые мотивационные тенденции к самоидентичности, сохранению своего, присущего именно данной личности «я», его целостности [11, 49]. Представляется, в данных суждениях отсутствует аргументация несамостоятельности корыстного мотива. Автор говорит о предназначении корыстного мотива, о той задаче, которой он служит. В результате аналитической проработки догматического и эмпирического материала, прихожу к выводу о том, что корысть — вполне самостоятельный мотив преступления; и то, что в преступлении он может присутствовать наряду с другими мотивами, не отрицает его самостоятельности, а свидетельствует о конкуренции мотивов.

В юридической литературе приводятся различные классификации (типы) корыстной мотивации. Например, М.Г. Миненок и Д.М. Миненок подразделяют корыстные устремления на стяжательские (накопительские), потребительские, престижные и утилитарные [12, 82]. Наиболее удачной видится классификация, предложенная Э.С. Тенчовым и Т.М. Явчуновской. Они выделяют корыстную нужду, корысть-«долг», корысть-паразитизм, корысть-потребительство, корысть-накопительство, корысть-престиж, корысть-легкомыслие, корысть-производственную необходимость и корысть-болезнь [13, 138–142].

Однако сочетание корысть-легкомыслие вызывает некоторые возражения, и прежде всего, связанные с тем, что термин «легкомыслие» ассоциируется с неосторожной формой вины, конкретно с ее видом — преступное легкомыслие. Корысть же, как мотив, свойственна умышленным преступлениям. Поэтому сочетание корысть-легкомыслие в определенной степени противоречиво.

В законодательной дефиниции хищения (п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ) не назван корыстный мотив, что порождает неверный, на мой взгляд, вывод отдельных теоретиков о том, что хищение может быть совершено и без него, по другим мотивам. Считаю также целесообразным закрепить в законодательном определении хищения корыстный мотив как обязательный субъективный признак, что будет способствовать единой трактовке данного понятия и в теории, и в правоприменении.

Корыстная цель — это мысленное представление лица о том, что в результате хищения чужого имущества оно получит реальную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться им как своим собственным: лично использовать, обменять, продать, подарить, передать в счет погашения долга и т.д. Поскольку корыстная цель — обязательный субъективный признак хищения, изъятие имущества с целью его последующего уничтожения хищения не образует. Например, тайное хищение одного чужого имущества, сопряженное с умышленным уничтожением или повреждением другого, образует реальную совокупность преступлений и квалифицируется по ст. 158 и 167 УК РФ. В теории и практике уголовного права признано, что незаконное изъятие чужого имущества, не преследующее корыстной цели, хищения не образует. В частности, не может расцениваться как хищение так называемое «временное позаимствование имущества» (кассир берет деньги из кассы с последующим их возвращением) или изъятие имущества ввиду ложно понимаемой производственной заинтересованности (водитель автохозяйства самовольно снимает детали с автомашины и ставит на ту, на которой он работает; обе автомашины принадлежат одному автохозяйству).

Угон транспортного средства (ст. 166 УК РФ) совершается без цели хищения. У виновного отсутствует стремление обратить чужое

транспортное средство в свою или других лиц незаконную собственность; он завладевает им для временного использования. Следует помнить и о том, что завладение транспортным средством при задержании лица, совершившего преступление, а также в состоянии крайней необходимости не влечет уголовной ответственности в силу положений ст.ст. 38 и 39 УК РФ, из которых вытекает, что поведение лица, осуществляющего свое субъективное право на задержание лица, совершившего преступление, или крайнюю необходимость, не только лишено корыстной цели, но и является полезным для общества. Пленум Верховного Суда РФ применительно к преступлению «угон транспортного средства» ведет речь о цели поездки или иной цели без *корыстных побуждений* (см. п. 28 Постановления от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»). Однако некий корыстный аспект мотивации преступного поведения в угоне транспортного средства все же присутствует, он может выразиться в стремлении обратить себе на пользу свойства чужого транспортного средства. Побудительным фактором выступает также стремление развлечься, желание покататься и т.д.

Подтверждением вышесказанного может служить дело по обвинению Ш. в угоне транспортного средства, который, воспользовавшись состоянием опьянения и последующим сном своего напарника по распитию спиртных напитков П., завладел автомобилем последнего, чтобы съездить к родственникам. По возвращении машина была добровольно передана законному владельцу — потерпевшему П. Действия Ш. были квалифицированы по ст. 166 УК РФ, поскольку, желая временно воспользоваться автомобилем, он не имел умысла обратить его в свою собственность, следовательно, завладел им без цели хищения [14, 21-22].

Цели и мотивы умышленного уничтожения (повреждения) чужого имущества (ст. 167 УК РФ) могут быть самыми разнообразными. Однако по общему правилу они лишены корыстной окраски. И все же при совершении данного преступления корыстный мотив

может иметь место, например, при получении вознаграждения. В ч. 2 ст. 167 УК РФ в качестве мотива названо хулиганское побуждение. Это единственный мотив, который нашел отражение в нормах гл. 21 УК РФ.

Вопрос о цели в неосторожных преступлениях по-разному решается теоретиками отечественного права: одни ее отрицают, другие ведут речь о цели поведения, предшествовавшего преступному результату. Полагаю, неосторожным преступлениям, в том числе и против собственности, цель не свойственна, мотивом же может быть недостаточная внимательность и сосредоточенность, излишняя самоуверенность, нерадивость и т.д.

Вывод. С учетом проведенного анализа прихожу к некоему синтезу теоретической мысли и предложений по совершенствованию российского уголовного законодательства: 1) из законодательного определения видов умысла нельзя изымать категории «предвидение» и «осознание», ибо реализация подобного предложения обеднит характеристику умысла, не позволит в полной мере раскрыть работу интеллекта лица в момент совершения преступления со всеми вытекающими отсюда последствиями; 2) категории возможности и неизбежности надлежит сохранить в уголовном законе, поскольку это способствует проведению более четкой грани между прямым и косвенным умыслом; 3) регламентация уголовной ответственности за преступления, совершенные с двумя формами вины, в самостоятельной ст. 27 УК РФ — большое достижение российской уголовно-правовой науки и шаг вперед российского законодателя в развитии института вины; 4) в законодательной дефиниции хищения (п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ) целесообразно закрепить корыстный мотив как обязательный субъективный признак, что будет способствовать единой трактовке данного понятия и в теории, и в правоприменении; 5) в диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ указать на неосторожную форму вины.

Литература:

1. Векленко С.В. Уголовно-правовая оценка субъективной стороны состава преступления : учеб. пособие / С.В. Векленко, М.В. Бавсун. — Омск : Омская академия МВД России, 2006. — 103 с.
2. Мальков В.П. Субъективные основания уголовной ответственности / В.П. Мальков // Государство и право. — 1995. — № 1. — С. 93–99; Иванов Н. Умысел

в уголовном праве России / Н. Иванов // Российская юстиция. — 1995. — № 12. — С. 16–17.

3. Питецкий В. Сужение понятия косвенного умысла влечет ужесточение уголовной репрессии / В. Питецкий // Российская юстиция. — 1999. — № 5. — С. 49–50.

4. Лукьянов В. Исключить из УК статью об ответственности за преступления с двумя формами вины / В. Лукьянов // Российская юстиция. — 2002. — № 3. — С. 58–59.

5. Бикеев И.И. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины / И.И. Бикеев, Э.Ю. Латыпова; под общ. ред. И.И. Бикеева. — Казань: Познание, 2009. — 228 с.

6. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Часть Общая / В.Д. Спасович. — Т. 1. — Вып. 1. — СПб: Тип. Иосафата Огризко, 1863. — 432 с.; Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве / Б.С. Утевский. — М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. — 319 с.; Тихонов К.Ф. Субъективная сторона преступления. Проблема социального содержания вины в советском уголовном праве / К.Ф. Тихонов. — Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1967. — 104 с.; Злобин Г.А. Умысел и его формы / Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. — М.: Юрид. лит., 1972. — 262 с.

7. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — Т. 1. Учение о преступлении. — М.: ЗЕРЦАЛО, 1999. — 592 с.; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3 т. — Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — 710 с.; Верина Г.В. Глава 9. Субъективная сторона преступления / Г.В. Верина // Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. — Т. 2. — С. 321–378.

8. Волков Б.С. Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование) / Б.С. Волков. — Казань: КГУ, 1982. — 152 с.

9. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. — М.: БЕК, 1998. — 566 с.

10. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. — М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. — 201 с.

11. Криминальная мотивация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 1986. — 305 с.

12. Миненок М.Г. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы / М.Г. Миненок, Д.М. Миненок. — СПб: Юридический центр Пресс, 2001. — 367 с.

13. Тенчов Э.С. Корыстная мотивация преступлений / Э.С. Тенчов, Т.М. Явчуновская // Современные проблемы правоведения. — Кемерово: Изд-во Кемеровского ун-та, 1994. — С. 138–142.

14. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2000. — № 2.

Верина Г. В. Психологічний зміст злочинів проти власності.

Анотація. У цій статті представлена авторська позиція про особливості прояву інтелектуальної, вольової та емоційної сфер особи при вчиненні злочинів проти власності.

Ключові слова: злочини проти власності, психічна діяльність людини в момент скоєння злочину, вина, мотив, мета, емоції.

Verina G.V. Psychological content of crimes against property.

Summary. The article presents the author's position on features of manifestations of intellectual, volitional and emotional spheres of person during commission of crimes against property.

Keywords: crimes against property, psychic activity of person in the time of crime, guilt, motive, goal, emotions.